

Расследования криминального репортера

Евгений Сухов
Токсичная кровь

«ЭКСМО»

2014

Сухов Е. Е.

Токсичная кровь / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2014 — (Расследования криминального репортера)

ISBN 978-5-457-75031-9

В одном из районов Москвы произошло чрезвычайное происшествие – тридцать человек отравились неизвестным сильнодействующим ядом. Все пострадавшие употребляли в пищу молочные продукты фирмы «Изобилие». Криминальному репортеру Аристарху Русакову поручено провести журналистское расследование инцидента. Первым делом он просматривает записи камер видеонаблюдения магазина, в котором отоваривались пострадавшие, и обращает внимание на девушку, которая трижды появлялась в торговом зале в день отравления, каждый раз старательно изменяя внешность. Аристарх понимает: вот она – ниточка! Нужно найти девушку, и, может быть, преступление сразу же будет раскрыто. Может быть...

ISBN 978-5-457-75031-9

© Сухов Е. Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Евгений Сухов

Токсичная кровь

© Сухов Е., 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Ожидаемое предложение, или Главный специалист по отравлениям

Поцелуй был долгим, аж задохнуться можно было. Когда мы отлипли друг от друга, Ирина задержала на мне взгляд, словно рассматривая какое-то диковинное и неизвестное науке животное, а потом спросила:

– Ты серьезно хочешь на мне жениться?

Все же я надеялся, что она как-то иначе отреагирует на этот мой призыв души и сердца. Всегда знал, что Ирина большая оригиналка – так долго мучить поцелуем, чтобы потом брякнуть нелепость.

Кажется, я вернулся с небес на землю и, стараясь поглубже запрятать свое удивление, ответил:

– Вполне. А ты что скажешь?

– Это неожиданное предложение, – произнесла Ирина, продолжая все так же недоуменно смотреть на меня.

– Скажем так, не столь уж оно и неожиданное, – заявил я. – Мы уже почти полтора года вместе, и...

– Полтора года – это не срок, – серьезно парировала Ирина. – Вон, Игорь Петренко и Кира Климова шесть лет вместе жили, и ничего. Расписались, когда у них уже было двое детей.

– Ну-у, это не самый подходящий пример... Ты предлагаешь мне подождать еще четыре с половиной года? – обиженно проговорил я. – А как тогда насчет парочки детей? Или с детьми ты тоже предлагаешь подождать?

– Я предлагаю не торопиться. К тому же я только-только перешла на второй курс. Мне еще учиться полных четыре года.

– И что?

– А как ты представляешь возможность совмещать семейную жизнь и учебу? – спросила Ирина.

– А что, разве так не бывает? – угрюмо ответил я.

За время нашего разговора я дважды крикнул (внутренне, разумеется, чтобы не показывать своего настроения). По правде признаться, я не рассчитывал, что моя разлюбленная после моего предложения кинется мне на шею и радостно завопит: «Да, теперь ты мой до скончания века!» – покрывая при этом жаркими и благодарными поцелуями. Допускал, что хоть не сразу, но все же она согласится. Или, томно опустив глаза, скажет (для приличия), что следует подумать пару недель. После чего, естественно, с удовольствием примет мое предложение и тут же начнет обсуждать детали предстоящей свадьбы, усиленно зазывать в брачный салон, чтобы помочь выбрать ей подходящее платье...

Увы, ничего подобного не произошло. Моя любимая подруга просто сказала мне, что жениться нам «еще рано» и что она к семейной жизни, являясь студенткой второго курса, явно не готова. Обидевшись, я «ушел в молчанку». Так прошел вечер.

О том, что наши отношения дали трещину, думать не хотелось.

Утро выдалось хмурым. И в прямом, и в переносном смысле. Особенно хмуро было на сердце после вчерашнего разговора.

Мы молча позавтракали. Так же молча вместе вышли из дома.

- Ты куда сейчас? – подняла Ирина глаза.
 - В телекомпанию, – ответил я.
 - Ты не сердись, – добавила она.
 - Да я и не сержусь, – в том же тоне произнес я.
- На том и разошлись в разные стороны.

На работе мы с Игорьком Свешниковым полдня занимались отснятым материалом. Потом со Степой писали синхроны со мной, после чего в студии я наговорил написанный мной загодя закадровый текст. Чувствовал, что получается не очень, но вдохновение как-то улетучилось... Затем со Свешниковым мы вставляли мои синхроны и закадровый текст в будущую передачу. К вечеру материал о журналистском расследовании убийства председателя Общероссийской общественной организации «Контроль народа» Василия Николаевича Масловского был полностью готов, но просмотр новой передачи отложили на завтра, так как шеф был занят. Все, можно было топать домой. Но домой идти не хотелось. Ни я не звонил Ирине, ни она мне ни разу не позвонила за весь день и вечер...

Такого прежде не случалось.

Шел уже девятый час. От безделья я мотался по студии, гонял чай и вел праздные разговоры, пока не встретил Катюшку. Ей было уже под тридцать, но почему-то страшно не везло на мужчин, хотя она была очень даже ничего. А может, это мужчинам не везло с ней, поскольку девчушкой Катя была непростой...

Конечно, мужчины у нее время от времени появлялись, но надолго как-то не задерживались. Кого-то из них она оставляла сама, кто-то оставлял ее. И чаще всего из-за того, что понимали: они попросту не потянут Катюшку с ее непреклонными и принципиальными требованиями к мужчинам, которые она и не скрывала. Пугала и ее увлеченность работой. Скорее всего ей бы подошел такой же человек, как она сама. И одной с ней профессии. Ибо общность интересов – большой стимул для крепкой дружбы. А любви между женщиной и женщиной без дружбы не бывает.

Года два назад мы весьма крепко симпатизировали друг другу, но остановились на какой-то одной стадии отношений, и оба не смогли подняться на следующую ступеньку. Хотя по-прежнему готовы оказать друг другу любую посильную помощь.

Катюшка вот уже пятый год продолжала вести свою добрую и в меру ироничную субботнюю программу для женщин «Ты – богиня». И весьма успешно, иначе бы не продержалась с этой программой столько времени.

Она, как всегда, носилась с новыми идеями для своей программы, но после ее рубрик «Вкусняшки», «Твоя карьера», «Мысли позитивно», «Счастье возможно», «Секреты красоты» и «Новинки моды», у нее стала появляться нехватка идей. Вот тут-то у Катюшки и возникло желание посоветоваться...

– Как ты считаешь, женщинам в возрасте от двадцати пяти до сорока лет будет интересна такая рубрика, как «Мужской взгляд на женщин»? – спросила она меня, когда мы, немного поболтав ни о чем, вышли из здания телекомпании покурить.

– Наверняка будет интересна, – ответил я. – Всегда любопытно знать, что думает о тебе противоположный пол. Это и познавательно, и может пригодиться в жизни.

– А как тебе такая вот первая передача для этой рубрики, – снова спросила она, выпустив сигаретный дым, – «Мужчины о женщинах за тридцать»?

– А что, интересно, – вполне искренне повторил я. – Женщины за тридцать, если честно, самый смак.

– Почему? – посмотрела она на меня с интересом.

– Да хотя бы тебя взять, к примеру, – начал я. – Формы великолепны, ум наличествует. И друг ты хороший...

– И все? – удивленно и немного обиженно подняла аккуратные тонкие бровки Катюшка.

– Отнюдь, – отрицательно помотал я головой. – У тебя к твоему возрасту имеется достаточный опыт общения с мужчинами, ты уже знаешь, чего мужчины в женщинах не любят, что терпеть не могут и что ценят более всего, ты не жеманна, не капризна, образованна и воспитанна, знаешь, чего хочешь от жизни и чего можно от нее ожидать. Да ты просто подарок для нормального мужчины...

– Слушай, а давай я возьму у тебя интервью для своей новой передачи? – чуть помолчав, предложила Катюшка. – Прямо сейчас. Ты сидишь за своим столом, за окном гаснет закат, ты задумчив, и то, о чем я тебя спрашиваю, волнует и тебя самого. Классно же!

– Но я сотрудник телеканала... – начал было возражать я, но Катюшка меня перебила:

– В первую очередь ты мужчина. Интересный мужчина. И умный. Ты мыслишь оригинально, у тебя на каждую вещь имеется свой взгляд. И потом, подобного рода интервью я возьму еще у трех-четырех мужчин разных возрастов и профессий. – Она явно загорелась этой идеей, а это значило, что ее уже не остановить. – Вся передача будет построена на этих нескольких интервью. Если хочешь, будет наблюдаться некоторая эволюция в рассуждениях. Представь, сначала говорит парень лет семнадцати-восемнадцати. Мол, когда ему было пятнадцать или шестнадцать лет, ему как раз нравились женщины за тридцать. Было в них для его возраста что-то притягательное... А сейчас, когда, мол, повзрослел, он предпочитает своих сверстниц, поскольку с ними интересно и понятно. А женщины за тридцать для него уже старухи...

– Я раньше тоже так думал, – усмехнулся я.

– Знаю, – кивнула Катюшка. – Вы, мужчины, все так думаете... Потом, – она уже не могла остановиться, – говоришь ты. Все, что ты мне до этого сказал о твоём представлении женщин, которым за тридцать. Затем снова идет кусок интервью восемнадцатилетнего парня, после него я вставляю часть интервью семидесятилетнего старика, который еще не потерял интерес к женщинам. А, как тебе такая идея? – посмотрела на меня Катюшка горящими от творческого возбуждения глазами.

– Класс! – ответил я ее словечком. – Просто гениально! Мне кажется, ты должна требовать повышения оклада.

– Скажешь тоже... – рассмеялась Катюшка и тут же, как всегда, взяла быка за рога: – Ну что, пошли писать интервью. Иди пока в свой кабинет.

Свой кабинет... Такого ни у кого из нас в телекомпании не было. Кроме как у шефа и его зама, конечно. У остальных, в том числе и у меня, были кабинеты, рассчитанные на трех-четырех человек, где иногда собирались (редко, очень редко) все телерепортеры. Но в данный момент этот кабинет и правда был мой, поскольку из корреспондентов, кроме меня, в эти часы никого уже не было.

Я присел за свой стол, немного прибрал на нем и стал ждать. Через пару минут пришла Катюшка с новостным оператором Геной Кондрашовым. Пока Гена устанавливал камеру и настраивал ее, Катюшка прикрепила мне микрофон-петличку, накидала на бумажке несколько вопросов для меня и тоже принялась ждать.

– А может, я пока вопросы читаю? Как известно, хороший экспромт должен быть хорошо подготовлен.

– Не нужно, важен эффект неожиданности.

– Готово, – сказал наконец Гена.

И Катюшка задала мне первый вопрос:

– Скажите, между двадцатилетними и тридцатилетними женщинами имеется какая-нибудь существенная разница?

– Да, – немного подумав, начал я отвечать. – Бесспорно, двадцать лет для женщины – возраст замечательный. У нее сильное и гибкое тело, упругая грудь, на лице никаких морщин, нет живота и целлюлита. Женщина в двадцать лет гордится собой, ей льстит внимание парней, готовых самостоятельно укладываться возле ее ножек штабелями. То есть самое привлекательное качество двадцатилетней девушки – это ее форма. Где-то она даже думает, что таковой останется очень долго... Но многим мужчинам наличия одной формы бывает недостаточно. Возможно, женщинам это покажется даже странным, – добавил я, глядя на Катюшку. – Для многих мужчин очень важна внутренняя составляющая. То есть ум, доброта, образованность, такт, воспитанность... А еще верность, опыт, мудрость и так далее. Есть все это у двадцатилетних женщин? Ответ таков: далеко не всегда. Часто они очень самовлюбленны, эгоистичны, вздорны... А вот у женщин, которым за тридцать, такие качества встречаются намного чаще. Вот вам и разница между двадцатилетними и тридцатилетними женщинами: у последних имеется в достаточной степени и духовное содержание. Причем женщины в тридцать лет далеко не старухи, и их формы не менее привлекательны, чем у двадцатилетних.

– Спасибо, – удовлетворенно произнесла Катюшка и задала следующий вопрос: – Чем именно для вас привлекательны женщины, которым уже перевалило за тридцать?

– Многим, – с ходу ответил я, понемногу входя в образ. – Если девушки в двадцать лет еще угловаты, то женщина за тридцать имеет округлые и приятные для глаза линии. Она, как говорится, аппетитна, а еще обаятельна и грациозна. У нее есть шарм, которым она умело пользуется, зная, как выгодно себя преподнести. Всем этим она и интересна мужчинам, и мне лично...

– Это все, что вас привлекает в женщинах, которым за тридцать?

– Нет, не все. Женщины за тридцать – это, можно сказать, целая вселенная, в двух словах о них просто так и не расскажешь... Они имеют опыт общения с мужчинами, знают, что мужчин раздражает в них, чего мужчины в женщинах не терпят, поэтому редко допускают ошибки. Ведь за каждой такой женщиной стоит судьба, счастливая и несчастливая любовь. Она хочет покоя и постоянства. Желает обрести семью. Старается не совершать поступков, после которых мужчина может отвернуться от нее и потерять к ней интерес. А еще она знает, чего хочет от нее мужчина.

– И чего же хотят мужчины от женщин? – хитро посмотрела на меня Катюшка.

– Да совсем немногого, – серьезно ответил я. – Доброты, верности, понимания, нежности. Хочется, чтобы дома с теплым ласковым словом встречала любящая женщина, чтобы на столе стоял приготовленный ужин. Чтобы дом был местом, где он мог бы отдохнуть душой и телом. Хочется радости и наслаждения.

– Наслаждения? – переспросила Катюшка. – Вы имеете в виду секс?

– Секс... – Я немного помолчал и продолжил: – А вам не кажется, что это какое-то казенное и грубое словечко? Ни само слово, ни понятие «секс» ничего общего не имеют ни с настоящей чувственностью, ни с обожанием и восторгом, ни с любовью... Нет, говоря о наслаждении, я имел в виду вовсе не секс. Я имел в виду *занятие любовью*. Чувствуете разницу?

– Да, разница есть, – согласилась со мной Катюшка и задала следующий вопрос: – А в быту есть различия между двадцатилетними и тридцатилетними женщинами?

– Есть, – после короткой паузы ответил я. – Женщина, которой за тридцать, уже умеет управлять своими эмоциями. Из-за пустяка она редко станет устраивать скандал мужчине, чего не скажешь о двадцатилетних женщинах. – Говоря последнюю фразу, я вспомнил об Ирине, и на душе стало препаришно. Кажется, у меня даже дрогнул лицевой нерв. – Женщина за тридцать выберет не красивого и хорошо одетого мужчину, а в первую очередь умного, верного и надежного. И ненавязчиво заставит его одеваться так, чтобы и ему шло,

и ей было приятно быть с ним рядом. Явно же «тянуть одеяло на себя» в отношениях с мужчиной женщина тридцати лет не станет. Напротив, отдаст *видимые* бразды правления мужчине. А невидимыми будет умело пользоваться, не перебарщивая и зная меру. А еще эти женщины умеют ценить нежность, доброту и заботу...

Тут я снова вспомнил об Ирине и замолчал. Увы, Ирина воспринимала мою нежность и заботу как должное...

– Большое вам спасибо за столь откровенные и искренние ответы, – сказала Катюшка, с удовольствием поглядывая на меня. – И мой последний вопрос: какую женщину выбрали бы вы лично, двадцатилетнюю или тридцатилетнюю?

– Я бы выбрал женщину, которую люблю, – ответил я на полном серьезе. – На возраст бы не посмотрел. Сами понимаете, все это складывается на небесах...

– А если все-таки сказать о возрасте.

– Ну, а если вопрос стоит конкретно: двадцатилетняя или тридцатилетняя, то я говорю так: тридцатилетняя. Они как распутившиеся розы... Их пора срывать и украшать ими, наслаждаясь, свою жизнь...

– Bravo! – с восторгом произнесла Катюшка, когда Гена выключил камеру. – Ты настоящий поэт. Интервью с тобой будет украшением моей передачи. А можно, когда я что-нибудь еще придумаю, опять обращусь к тебе? – спросила Катюшка и улыбнулась.

– Можно, – ответил я. А вот улыбнуться у меня не получилось.

Мы снова покурили на воздухе, после чего попрощались, и я отправился домой. На душе было скверно, а после Катюшкиного интервью еще и как-то одиноко, что ли. Словно то, что всегда было со мной, во все случаи жизни, сейчас куда-то подевалось, и я его никак не могу найти...

Я шел пешком, благо работа моя была в четверти часа ходьбы от дома, и эти пятнадцать минут показались мне целым часом. Наверное, время действительно в разные моменты жизни имеет различную скорость. И после двадцати пяти лет я это почувствовал особенно остро. Жаль, что им пока не получается управлять...

Дома было так же пусто, как у меня в душе. А все потому, что не было Ирины. Теперь я понимал, как много места занимала она в моей жизни.

Что ж, это ее выбор. В конце концов, она мне не жена, чтобы каждый день являться домой. И даже не невеста...

* * *

Июль я прожил без особых приключений. Разве что немилосердно царапали душу вести с востока Украины. Что же творит эта преступная власть? Что они делают! Ну, что за глупая жестокость лупить по своим же городам и селам тяжелой артиллерией, сбрасывать бомбы на своих же сограждан, родных по крови и по вере! Ненависть оправдана в борьбе с захватчиками, с карателями, но ее невозможно оправдать по отношению к старикам и детям!

Не было особых подвижек и с Ириной.

Разрыва как такового между нами не произошло. Собственно, что такого случилось? Ну, сказала любимая женщина, что еще не готова выйти замуж. Можно ведь и подождать. Это же не означает полный отказ от имеющихся отношений?

Или все же значит?

Разве плохо было нам эти полтора года, что мы вместе? Нет, не плохо. Было немало счастливых минут, часов и даже дней, составляющих смысл жизни. Ведь если человек не рожден быть счастливым хоть иногда, то на кой черт нужны все остальные смыслы, которые ищут в человеческой жизни разные ученые и философы? Без счастья и любви жизнь пресна, скучна и неинтересна. Ее и жизнью-то можно назвать с большой натяжкой. Для этого, навер-

ное, и придумано словечко, которое заменяет понятие «жизнь»: существование. Человек – и не человек вовсе, а так... существо.

А может, все еще можно вернуть? Эти счастливые дни, часы и минуты? И опять между нами будет, как и прежде. Или уже не будет?

И как теперь мне с ней себя вести? Как будто ничего не случилось? И она, наверное, задается тем же вопросом. И так же, как и я, не находит ответа. Получается, что-то между нами все же случилось...

Бывают в жизни ситуации, когда не нужно ничего предпринимать. Не нужно спешить. Пустить ситуацию на самотек и ждать, куда она выведет. Авось как-нибудь все само собой разрешится. Конечно, с положительным результатом. Надо просто затаиться. Выждать. Проплыть какое-то время по течению. И тебя обязательно вынесет на берег.

Только вот когда?!

Август пришел жаркий. Дышать было абсолютно нечем. Старики, которых я встречал на улицах, открывали рты, как рыбы, выброшенные на берег, и с жадностью глотали воздух. Духота и жар, исходивший от асфальта, от стен домов и бесчисленных потоков автомобилей, изматывали, подтачивали силы, заставляли сбавлять шаг, не давали возможности рационально соображать.

Каждый вечер сотни тысяч автомобилей устремлялись вон из Москвы, за город, на дачи, в сады и огороды. В выходные дни столица и вовсе безлюдела, как перед самым вступлением в Москву Наполеона. И снова, как в две тысячи десятом, по Москве потянуло дымом пожаров. Сначала с севера, где догорали гаражи и загорелся склад на Второй Магистральной. Потом потянуло дымом с запада, где в Филевском парке как-то разом занялась усадьба Нарышкиных. Не остался в стороне и восток столицы. Там в последние дни первой декады августа сгорел склад покрышек, шиномонтажная мастерская и сауна на первом этаже гостиницы «Измайлово». Очевидно, сауна не выдержала жары...

Впечатление такое, будто столицу решили подпалить со всех сторон.

Как водится в палящий зной, начались отравления москвичей и приезжих продуктами. И опять отличилось Измайлово. Ночью 10 августа только в одну измайловскую клиническую больницу, что на Верхней Первомайской улице, привезли одиннадцать человек. Да и в городскую клиническую больницу на 11-й Парковой – еще четверых. Все они – с острыми пищевыми отравлениями. К утру пациентов с такими отравлениями стало уже девятнадцать человек. Двое из них попали в реанимацию, поскольку находились в тяжелом состоянии и без сознания. Ситуация стала вызывать весьма обоснованные опасения о неслучайности таких отравлений. Кроме того, если только в две больницы с острыми отравлениями попало девятнадцать человек, то в сотню московских больниц с подобными пищевыми отравлениями могло загреметь уже около тысячи человек, а может, и более. А это уже настоящая эпидемия. Или диверсия, теракт. Вот такими примерно словами передал мне где-то в половине одиннадцатого утра десятого августа две тысячи четырнадцатого года информацию для моего нового расследования шеф. Добавив к этому следующие слова:

– Надеюсь, ты с этим заданием справишься. Ведь ты у нас лучший специалист по отравлениям...

– То есть? – не сразу понял я, что имел в виду шеф.

– Ну, как же, – доброжелательно произнес Гаврила Спиридонович и дружески посмотрел на меня. – Ты в прошлом году распутал дело с отравлением синильной кислотой доктора биологических наук Рудольфа Фокина, что заведовал экспериментальной лабораторией института неврологии имени Кожевникова при МГУ. Ты же нашел эту повариху Сергееву, отравительницу двух шеф-поваров на финале конкурса «Кулинар года», и изобличил ее весьма эффектно и при многих свидетелях. В этих делах ты поднабрал немалый опыт, значит, тебе и карты в руки...

– Скажите, Гаврила Спиридонович, а откуда у вас такая информация? – поинтересовался я. – Про измайловские больницы, про острые отравления, про число отравившихся и попавших в реанимацию? О таких вещах обычно особо не распространяются.

– У меня имеются свои источники информации, – ответил шеф и скромно потупил взор, показывая всем своим видом, что он просто сделал свое дело, и ничего более. – Но уверяю тебя, что мои источники вполне компетентны и достоверны. Так что не сомневайся.

– Понял, – сказал я. – Разрешите приступать?

– Приступай, – ответил шеф и свел брови к переносице.

Глава 2

Борец за справедливость, или Пациенты клинической больницы на Верхней Первомайской

Первое, что я сделал, это обзвонил все клинические больницы Москвы. Ну, или почти все. Пришлось проявить фантазию: я представлялся и обеспокоенным работником санитарно-эпидемической службы города, и ответственным чиновником из Департамента здравоохранения Москвы, и членом совета Национальной медицинской палаты, и даже рьяным общественником из организации «Общероссийская лига поборников здорового образа жизни». И везде, кроме этих двух больниц в Измайлове, мне отвечали, что поступивших с отравлениями не более чем обычно. Выходило, что отравление не является массовым, и эпидемии как таковой не наблюдается. И очаг или источник отравления находится, стало быть, именно в районе Измайлово.

К середине дня кое-какие сведения стали просачиваться в Интернет. Оказалось, что всего больных с острыми пищевыми отравлениями, поступивших в две измайловские больницы (на Верхней Первомайской и 11-й Парковой), насчитывается уже двадцать четыре человека. И состояние двоих из них крайне тяжелое. Что ж, придется заняться опросом всех поступивших с такими отравлениями. Конечно, без камеры, поскольку в палату к госпитализированным больным Степу с его аппаратурой не пустят. Ничего, буду снимать больных на свой смартфон и записывать их слова на диктофон.

График посещений больных обеих клиник был с 16 до 19. Сначала я решил навеститься в клиническую больницу на Верхней Первомайской улице. Туда поступило отравившихся пищевыми продуктами аж двадцать человек! А в больнице на 11-й Парковой было по-прежнему четыре.

В 15.30 я сел в электричку, вышел на станции «Первомайская», прошел Измайловским бульваром два квартала и вышел на больничку с тыльных корпусов клиники. Потом нашел отделение, куда поместили отравившихся больных и... возрадовался. Как же хорошо, что в мире еще существуют бумага и шариковые ручки. На стеночке рядом с закрытым гардеробом, возле окошечка с надписью «Справки» висел написанный от руки список больных, поступивших с острыми пищевыми отравлениями. Причем с перечнем палат, куда их поместили. Я аккуратно и незаметно сфотографировал списочек (а посетителей было много), надел бахилы и прошел через КПП, назвав под запись в журнале свое имя и обозначив цель своего прихода: посещение больного Храмова из такой-то палаты, что был первым в моем сфотографированном списке.

Палата, в которой лежал больной Храмов Л. М., была полна людей. Оно и понятно, это первое посещение родственниками больных после помещения их в клинику. Посетители сидели на кроватях больных, стояли возле них, и только на одной из коек никто не сидел. Койка стояла у окна, и я прошел напрямик к ней.

– Здравствуйте, – поприветствовал я лежащую на подушке стариковскую желтоватую лысую голову со впалыми небритыми седыми щеками и небритым подбородком, поскольку здороваться больше было не с кем (или не с чем): остальное тело до самого подбородка было закрыто вместе с руками одеялом, и из-за худобы почти не угадывалась фигура. – Вы тоже отравились?

– Нет, я не отравился, – не сразу ответила голова, и глубоко впавшие глаза уставились на меня из-под кустистых седых бровей. – Это меня отравили враги...

– А чем? Что вы такое съели перед тем, как попасть сюда? Ну, там, рыбу, мясо, грибы. Может, консервы какие просроченные или что-нибудь другое?

– Мясо мне не по карману, – проворчала голова. – И рыбу давно не ел. Пару яиц съел вчера утром. В обед ел суп из пакета. Такой, который залил кипятком, и через пять минут готово. Молоко пил. Вечером ряженку кушал с белым хлебом. После чего и скрутило.

– Простите, а как вас зовут? – спросил я.

– А ты кто? – не сводила с меня взгляда голова.

Я не стал конспирироваться и ответил честно и прямо:

– Я журналист. Представляю телекомпанию «Авокадо». Зовут меня Аристарх Русаков, и я занимаюсь пищевыми отравлениями в вашем районе, то есть в Измайлове.

– Вот ты-то мне и нужен... – воодушевившись, заговорщицки произнесла желтоватая голова. – Дело в том, что всех их, – взгляд старика обвел палату, давая мне понять, что он имеет в виду всех отравившихся, – отравили так, для виду. Чтобы следы замести. На самом же деле удар был направлен против меня. Меня хотели убить, но вот – не получилось у них... Я живучий!

– И все же, как вас зовут? – снова спросил я.

– Меня зовут Храмов, – ответила голова с большим достоинством, видно, с расчетом на то, что я должен всенепременно знать. Но, не увидев с моей стороны должной реакции, добавила: – Лавр Михайлович.

– Вы пенсионер? – поинтересовался я.

– Да, я пенсионер. Пенсионер-общественник. Занимаюсь вскрытием язв нашего *демократического* общества. – Слово «демократического» было сказано с большой язвительностью в голосе. – Еще я – действительный член Общероссийской общественной организации «Контроль народа». Слышали про такую?

– Слышал, – ответил я, припомнив обстоятельства этого дела и внутренне содрогнувшись. – Месяц с небольшим назад эта организация трагически потеряла своего председателя.

– Трагически потеря-а-ала, – проворчала голова и пошевелила седыми кустистыми бровями. – Председателя нашей организации Василия Николаевича Масловского убили его враги. Этот замечательный, кристально чистый человек, посвятивший себя борьбе за справедливость, за честь и достоинство простого рядового человека, должен был делать доклад на конференции, в котором были бы названы фамилии коррумпированных чиновников, без зазрения совести обирающих народ. Но они не позволили ему это сделать, боясь быть разоблаченными. И убили его прямо у дверей зала, где должна была состояться конференция.

– А я вот слышал, что его убил пожарным ломом, ударив дважды по голове, его же личный и бессменный секретарь по фамилии Шишканов, – осторожно заметил я. – И даже не у дверей конференц-зала, а на самом последнем, пятом этаже конгресс-отеля, в котором должна была состояться конференция...

– Это вранье! – безапелляционно заявила голова. – Секретарь – это просто выбранный стрелочник, на которого перевели все стрелки, чтобы не копать это дело глубже. А на самом деле товарища Масловского убили чиновники, погрязшие в коррупции и взятках. А теперь вот чужими руками пытаются убить и меня...

Я не стал спорить с головой и спросил:

– А за что вас хотят убить?

– За мою преданность правому делу. За мои сигналы в надлежащие органы насчет нарушений правопорядка и бесчинств тех, у кого сегодня деньги и власть. Я ведь, пока сюда не попал, каждый день, почитай, сигнализировал.

– Вы вот сказали, что вас хотят убить «чужими руками», – напомнил я голове сказанные слова. – А что это за «чужие руки» такие, будьте добры, поясните, пожалуйста?

– Есть определенные личности, – хмуро ответил старик, приподнявшись и устроившись полулежа на кровати.

– И вы можете их назвать?

– А у тебя бумага есть, чтобы записывать? – поинтересовался Лавр Михайлович.

– Бумаги нет, но есть вот это, – указал я на диктофон, который до начала разговора включил и устроил на тумбочке.

– А что это? – заинтересованно спросил старик.

– Это диктофон. Маленький такой... магнитофончик.

– А-а, – протянул старик. – Это хорошо. Так мне в него говорить?

– Да говорите, как вам будет удобнее, – сказал я и сфотографировал лицо старика.

– Это еще зачем? – напрягся он.

– Так надо, – безапелляционно ответил я. – Итак, я вас слушаю. Говорите, пожалуйста.

– Хорошо, – кивнул Храмов. Он как-то приосанился и, косясь на диктофон, начал: – Значит, так... Перво-наперво, это мой сосед Панкратов Илья Степанович из шестнадцатой квартиры...

– Весьма интересно. Простите, а где вы живете? – поинтересовался я.

– На Тринадцатой Парковой в панельной «хрущевке», – охотно ответил Храмов.

– А он что, Панкратов этот, накануне отравления к вам в гости приходил?

– Нет, – буркнул старик. – С какой это стати? Я и на порог не пушу этого злыдня!

– Тогда, может, вы к нему приходили?

– Еще чего! Мы с ним в контрах, говорю же.

– А как он тогда мог вас отравить?

– Так он мог проникнуть в мою квартиру, когда я из дома выходил. В магазин или еще куда, – ответил Лавр Михайлович. – Ну, и подсыпал в еду отраву. Думаю, что в селедку. Я ведь селедку очень люблю.

– Простите, как то есть «проникнуть в квартиру»?

– Путем открывания моей квартиры отмычкой. Он слесарем работал. Ему квартиру чужую вскрыть – раз плюнуть. Ма-астер он на такие дела...

– Понял вас, – покосившись на старика, проговорил я. – А еще есть подозреваемые?

– А то, – оживился старик и начал перечислять: – У меня их целый список. Козинцев Анатолий Михайлович, сосед по подъезду, агент американского Госдепа. Синельникова Клавдия Игнатьевна, соседка снизу, язва и змеюка подколотная, которую незнамо как земля носит. Бочкарев Виктор Моисеевич, домоуправ плешивый, махинатор и ворюга, который давно должен сидеть в тюрьме, о чем я неоднократно сигнализировал. Серенький Сергей Константинович, главный инженер Управляющей компании, обслуживающей наш дом, хапуга, казнокрад и мафиози, заслуживающий самой крайней меры уголовного наказания. Советник нашего муниципального главы Виктор Афанасий Сергеевич, серый кардинал, тайный агент ЦРУ...

Со стариком все было ясно. Чтобы как-то направить разговор в иное русло, я спросил:

– А сколько вам лет, Лавр Михайлович?

– Семьдесят три года, – не без гордости ответил Храмов. – Мужики столько не живут, а я вот, вишь, жив еще. А потому, что всякий день начеку. И у меня каждый день – борьба. С различными негативными проявлениями нашей теперешней жизни. Некогда мне помирать.

– А вы один живете?

– Один, – кивнул Храмов.

– А родственники у вас есть?

– Дочь с зятем. Вот они тоже смерти моей хотят. Ждут, когда им квартира моя трехкомнатная достанется. Чтобы ее сдавать и жить не работая. Сейчас никто не хочет работать. Все хотят сладко жить...

Старик помрачнел. Потом снова закрылся одеялом до подбородка и отвернулся к стенке...

– А вы журналист? – раздался вдруг за моей спиной женский голос.

– Да, – повернулся я и увидел женщину лет тридцати пяти. Она пришла провести мужа, что лежал недалеко от старика Храмова.

– Напишите там у себя, что отравившиеся больные не получают никакого лечения. Промывание желудка сделали, и все на этом... – возмущенно произнесла она. – Хоть бы антибиотики какие дали.

– А почему не получают лечения?

– Врачи до сих пор определить не могут причину отравления.

– Они вообще ничего не знают, – громко произнес мужчина-посетитель в рубашке с закатанными рукавами. – Больным желудка только промыли, и все. Даже никаких таблеток не дают. Дескать, не известна причина отравления, язвы их в душу.

– Говорят, приезжали из санэпидемстанции. И ничего не нашли, – подключилась к разговору еще одна женщина-посетительница с хозяйственной сумкой в руке. – А вирусологи сказали, не наше, мол, это дело – пищевые отравления. Никому, в общем, до больных дела нет.

– А шас вообще никому ни до кого дела нет, язвы их в душу, – заметил мужчина в рубашке с закатанными рукавами. – Всяк сам за себя, и выживай, как знаешь. Тонуть будешь – руки никто не подаст. А вместо спасательного круга – еще и булыжник кинут...

– Это верно, – поддакнула мужчине женщина с хозяйственной сумкой. – Бесчеловечные все какие-то стали. Жестокосердные.

– А не надо было Советский Союз давать разваливать, – донесся глухой голос старика Храмова. – А то продали страну, а теперь жалуетесь.

– Да кто продал-то? – ту же парировала она. – Нас разве кто спрашивал?

– Да они чихать хотели на наше мнение, язвы их в душу, – заявил мужчина в рубашке с закатанными рукавами. – И тогда на нас чихали, и теперь. Теперь, язвы их в душу, даже больше на нас чихают.

– И будут чихать! – не унимался Храмов. – Потому что вы им это позволяете.

– А ты, дед, не позволяешь? – ехидно обратился к нему мужчина в рубашке с закатанными рукавами.

– Нет, не позволяю! – с гордостью ответил Лавр Михайлович.

– Когда нас лечить-то будут, вы не знаете? – спросил меня муж женщины, которой на вид было около тридцати пяти.

– Не знаю, – признался я.

– И главное, симптомы-то у всех схожие, – заговорила его жена. – Тошнота, рвота, понос, головная боль, боли в животе...

– Еще слюни постоянно выделяются, и пить постоянно хочется, – добавил ее муж.

– А еще сердце учащенно колотится, – подал хриплый голос больной, что лежал у самой двери и на койке которого сидела угловатая девочка-подросток. – И воздуху как будто не хватает.

– Повышенное выделение слюны – это саливация. А сердце учащенно бьется – это тахикардия, – подала голос пожилая дама интеллигентного вида, которая пришла к седому мужчине, лежавшему на кровати у стенки. Он тяжело дышал, часто сглатывая слюну.

– Видите: симптомы у всех одинаковые, – снова обратилась ко мне тридцатилетняя. – А чем люди отравились – врачи определить не могут.

– Да не знают они просто ни хрена, язви их всех в душу, – возмущенно произнес мужчина в рубашке с закатанными рукавами. – Устроились в институт по блату или за деньги, не учились ни черта, зачеты и экзамены покупали за деньги, дипломы тоже... Все ж нынче за деньги! Чего же они могут знать, язви их в душу?!

– А что вы ели перед тем, как сюда попасть? – обратился я к мужу женщины лет тридцати пяти.

– Ни вспученных консервов, ни мяса, ни грибов, ни рыбы я не ел, – ответил он. – Мы ели мидии. Ужинали в ресторане по случаю годовщины нашей свадьбы.

– И все? Больше до самого попадания в больницу вы ничего не ели?

– Нет, – ответил он. – Разве что на ночь стакан молока выпил...

– А вот мидии-то как раз и могут быть опасны, – заметила пожилая дама интеллигентного вида. – Они фильтруют воду, поглощая планктон, а планктон вырабатывает сакситоксин. Это такое вещество нервно-паралитического действия, а по сути, мощнейший яд. И как только такая мидия-фильтр накопит в себе достаточное количество токсинов, она становится опасным для человека продуктом, а случается, и смертельным...

– Значит, это мы мидиями отравились? – всполошился мужчина, поглядывая на свою супругу.

– Вы, может быть, и мидиями, – заметил больной, на кровати которого сидела молчаливая девочка-подросток. – А я моллюсков этих никогда не ел и не собираюсь пробовать.

– И я не ел и не собираюсь, – громко произнес старик Храмов. – Пусть их буржуи едят и разные там моральные и физические извращения...

– А при чем тут моральные и физические извращения? Да мы с супругой и ели-то их всего третий или четвертый раз в жизни, – оправдывающимся тоном произнес мужчина. – И никакие мы не извращения.

– И не буржуи, – добавила его супруга.

– Не обращайтесь на него внимания, – сказал молодой парень, к которому пришла женщина с хозяйственной сумкой. Он приподнялся на кровати и посмотрел в сторону старика Храмова. – Этот дед – сам по себе уже очень ядовитая личность. От одного разговора с ним запросто отравиться можно. Весь ядом изошел. Сам себя и отравил. Его половина Измайлова знает как склочника и клеветника...

– Да что ты мелешь, сопляк! – не выдержав, повернулся к нему Лавр Михайлович и буквально стал испепелять взглядом парня. – Это я-то склочник и клеветник?! Что, у тебя и факты конкретные есть, что я на кого-то напраслину возвожу? – Не дождавшись от парня ответа, он продолжил свой возмущенный монолог: – Да тебя еще и в помине не было, когда я уже за фрезерным станком стоял, изготавливая детали для нужд родной Советской страны. И страна тогда была – не чета этой, что сейчас. Порядок был всюду. А страха не было. Совесть в людях была и стыд, и не хапал каждый всяк себе по самое горло. И все нашу страну уважали и боялись.

– Это правда, – подал голос седой мужчина у стенки. – Такую державу потеряли! Взять хотя бы тот же самый многострадальный Донбасс. Разве в советское время стали бы опасаться каких-то санкций? Или Америку, к примеру? Ввели бы войска и навели порядок.

– Простите, а где вы ели мидии? – спросил я мужчину, который отмечал с супругой годовщину свадьбы в ресторане.

– Ресторан называется «Тонкая штучка». Он на улице Первомайской, – ответил он.

– Позвольте узнать, как вас зовут и ваш адрес, – попросил я.

– Да ради бога! Та же улица Первомайская, дом четыре. Большая такая п-образная «сталинка». А зовут меня Слепнев Борис Анатольевич. Москвич, сорок один год.

– А ваше имя и адрес, будьте добры? – обратился я к парню.

– Самохин Сергей. Верхняя Первомайская, дом сорок четыре, – ответил парень. И, предвосхищая мой следующий вопрос, добавил: – Частный предприниматель. Мидий, перед тем как попасть сюда, не ел, хотя и пробовал их пару раз. Не понравились. Не наша эта еда, не русская. Желудок к ней не привычен. А обедал я щами со сметаной и пюре с котлетами, что приготовила моя мама. Ужинал жареной картошкой со свининой, также домашнего приготовления, пил домашний квас. Прихватило где-то в десять вечера или около того. Два часа после этого провел в туалете практически безвылазно. Потом мама вызвала «Скорую помощь»...

– А вы? – обратился я к седому мужчине. За него ответила пожилая дама: – Мой муж – владелец фармацевтического центра. Его зовут Черкасов Вадим Афанасьевич. Живем мы на Сиреневом бульваре, дом двадцать восемь. На ужин ели овощной салат...

– Со сметаной, – добавил Вадим Афанасьевич и опять тяжело задышал.

– А ваше имя и адрес можно узнать? – спросил я мужчину, на кровати которого сидела безмолвная девочка-подросток.

– Отчего же нельзя, можно, – сказал мужчина и приподнялся, что для него было, очевидно, не просто, поскольку он сморщился от боли. – Живу я с дочерью на Девятой Парковой, дом сорок. Работаю продавцом на продовольственном рынке, что на пересечении Сиреневого бульвара и Пятнадцатой Парковой. Зовут меня Александр Иванович Кондратенко. Обедал я вчера всухомятку, ел с черным хлебом полукопченые колбаски «Охотничьи» по триста десять рублей за кило и запивал бочковым пивом. Свежим, кстати сказать, пивом. На ужин ели вместе с дочерью, салат из помидоров и огурцов с луком и подсолнечным маслом. Как поел – сразу прихватило: тошнота, понос, голова заболела страшно, потеть начал, будто у меня температура градусов под сорок. А вот дочери, слава богу, ничего...

– Спасибо, – сказал я, обращаясь ко всем присутствующим.

– Мне кажется, я вас знаю, – вдруг сказала пожилая дама, супруга Вадима Афанасьевича Черкасова. – Это вы ведь в прошлом году вели журналистское расследование по убийству заведующего экспериментальной лабораторией Рудольфа Фокина в Институте неврологии имени Кожевникова при МГУ? И с вашим прямым участием был найден и уличен убийца, которым оказался замдиректора по науке. Кажется, ваш телеканал называется «Авокадо», верно?

– Все так, – скромно ответил я.

– А теперь вы ведете расследование наших отравлений?

– Да, у меня от начальства именно такое поручение.

– Тогда вы и правда можете помочь. Покажите всей Москве, какое безобразие тут творится. Мой муж уже почти сутки лежит, а кроме промывания желудка, никакой помощи не получил. Ну, кровь еще на анализ взяли. И мочу. А где результаты анализов? И будут ли они вообще?

– Я думаю, что скоро специалисты определят, чем конкретно отравились ваши родственники, – сказал я. – А я со своей стороны обещаю, что проблема отравлений в Измайлове станет достоянием как можно большего числа москвичей. После чего, уверяю вас, уже никому не удастся эту проблему замолчать или как-то утаить, если чиновниками от медицины будет поставлена такая задача.

– Прессе рот не заткнешь! – неожиданно высказал свое мнение старик Храмов. – Пятая власть! Слава богу, прошли те времена, когда нам рты затыкали. Сегодня мы имеем право открыто заявлять об имеющихся недостатках и творящихся безобразиях!

– Скажите, а поснимать вас я немного могу? – спросил я, обращаясь ко всем присутствующим.

– Давай, коли надо...

– А что, снимай, язвы их в душу...

– Только ракурс возьми... какой-нибудь, получше...

* * *

В следующей палате лежали тяжелые больные. Под одной из коек убирала грязновато-коричневую поносную лужицу женщина в белом халате, совсем не похожая на нянечку или медсестру. Очевидно, это была супруга больного мужчины, лежавшего с закрытыми глазами в синих ободках и судорожно хватавшего ртом воздух. Приставать с расспросами к этой женщине я не стал: ей хватает забот и без меня...

Другому больному, пузатому мужчине с клочками пушистых волос на шишковатой голове, меняли постельное белье. Две женщины сначала поворачивали его на один бок, потом на другой, вытаскивая из-под него промокшую простыню. Новую стелили так же. Мужчина пучил глаза, полные тоски и стыда, и пытался хоть как-то помочь женщинам, но у него ничего не получалось: телом своим он практически не владел.

Третий больной, у которого посетителей не было, то ли спал, то ли пребывал в полном беспмятстве. Линолеум под его койкой был весь в грязных разводах. В общем, запашок в палате стоял еще тот.

Но что делать, работа!

Поговорить мне удалось только с четвертым больным в палате. Звали его Геннадием Васильевичем Бабушкиным. Проживал он, естественно, в Измайлове, на одной из Парковых улиц, и работал на «Мосфильме» декоратором. Рядом на его койке сидел его брат, Елизар Васильевич Бабушкин, администратор съемочной площадки. Оба брата ужинали вчера дома остатками борща, только Геннадий Васильевич ел борщ со сметаной, а Елизар Васильевич – без оной.

– Скрутило разом, – поведал мне свою незамысловатую историю Геннадий Васильевич. – После того как я седьмой раз побывал в туалете и понял, что со мной чего-то не то, брат вызвал «Скорую». Никогда так еще... не поносил. Знаете, а это, оказывается, еще хуже зубной боли. Ее еще как-то можно забить таблетками, настоями, водкой, наконец. Понос перебить, увы, ничем нельзя. А если еще такое случится не дома, а где-нибудь в дороге, например, в поезде, то это самая настоящая беда!

– А больных из соседней палаты вы видели? – спросил я.

– Да, видел, – ответил Геннадий Васильевич.

– А знаете кого-нибудь из них?

– Нет, никого не знаю. Даже не встречал.

– Значит, вы грешите на сметану?

– А больше грешить не на что. Возможно, испортилась, какая жара стояла! Думаете, у хозяина магазина рука поднимется, чтобы ее выбросить? Ни за что! Он лучше втихую кому-нибудь ее впарит! Все остальное мы с братом ели одинаковое: борщ, хлеб... Помидоры мясистые были, очень хорошие... Чай пили с печеньем. Единственная разница – сметана. Елизар просто забыл про нее и не положил в суп. Тем и спасся. А то сейчас лежал бы здесь, со мной на пару.

Его брат лишь грустно качнул головой.

– А где вы покупали сметану? – задал я новый вопрос.

– В продуктовом магазине «Изобилие» на Измайловском бульваре, – охотно ответил Геннадий Васильевич. – Там всегда все свежее...

– Спасибо. А можно, я вас сниму?

– Зачем? – подозрительно посмотрел на меня Геннадий Васильевич.

– По заданию своего начальства я веду журналистское расследование группового отравления жителей Измайлова, – пояснил я. – Поэтому видео– и фотоматериалы – это уже документы.

– Валайте, – великодушно разрешил Бабушкин.

Затем я посетил еще одну палату, где лежало пятеро отравившихся. Мидий в ресторане «Тонкая штучка» никто из них не ел. Но вот один из больных по имени Марс Рафкатович Хамитов с улицы Константина Федина, как он сам мне поведал, откушал на ужин жареных грибов со сметаной. И через полчаса стал уже беспрестанно бегать в то заведение, куда и короли с царями пешком ходят. А потом тошнота, рвота, головокружение, учащенное сердцебиение и покалывание конечностей с холодными мурашками по всему телу. То есть такие же симптомы, как у больных первых двух палат. Грибы Марс Рафкатович собирал сам, «в заветном месте», как он выразился, а вот сметану покупал в магазине. Каком именно, он не сказал, поскольку продуктами ведает его жена, которая только что ушла.

– А вы не можете ей позвонить и спросить, где она последний раз покупала сметану? – попросил я.

Марс Рафкатович кивнул и набрал по сотовому номер:

– Але, Рамзия? Слуши, а гыде ты сыметану пакупаэш? Ае. А-а... А-а... Надэ... Высе харашо, нэ валнуйся. А-а... А-а... Надэ... Я тибя сыпырашиваю, ты мыне сыкажи, вы каком магазине ты сыметану пакупаэш? А-а... А-а... А вы каком магазине, как оны называются? Ну, надэ мыне. Сыкажи, гыде, и высе... А-а... Ае.

Марс Рафкатович посмотрел на меня, как смотрят все мужики, когда хотят сказать «баба, она и есть баба». А потом произнес:

– Магазин называется «Исабилиэ».

– «Изобилие»? – переспросил я.

– Да, «Исабилиэ», – кивнул Марс Рафкатович.

– Спасибо, – поблагодарил я его. – И простите за беспокойство.

– Та ницава, – кивнул добрейший Марс Рафкатович.

Из остальных четверых больных один был не из Измайлова.

– А как вы сюда попали? – спросил я.

– На «Скорой» привезли, – ответил он.

– Что с вами произошло?

– Обдристался весь, – печально отозвался больной. – Диарея, видно, будь она неладна.

– Что вы вчера ели? Припомните, пожалуйста, – попросил я.

– Ну, завтракал я дома яичницей, – начал припоминать больной, назвавшийся Петром Петровичем Зеленовым, – обедал в нашей ведомственной столовой: салат, куриная лапша, рыбное филе с картошкой, чай, а ужинал тоже дома. Ел жареного налима, жирный попался...

– А вы что, и по субботам работаете? – спросил я.

– Девятого я работал, да, – ответил Петр Петрович.

– А налима вы ели со сметаной? – поинтересовался я.

– Нет, – ответил он и с любопытством посмотрел на меня: – А что, все дело в сметане?

– Пока не знаю, – ответил я. – Только предположение.

– Я не любитель сметаны, – сказал Петр Петрович. – Да и майонеза тоже. Жирные все это продукты. А вот молоко полуторапроцентной жирности – его я люблю. Такое, знаете, в картонных литровых коробках. И сохраняется оно намного дольше пакетного, которое скисает на второй день... На ночь всегда стакан такого молока выпиваю. Или кефира обезжиренного.

– А где покупаете? – поинтересовался я.

– В «Пятерочке» обычно. Она прямо напротив моей службы находится. Удобно очень. – Он замолчал, а потом будто что-то хотел сказать, да раздумал. Но я это заметил и спросил:

– Вы что-то хотели добавить?

– Да-а... Но-о... Кое-какие соображения... Не знаю, может, это неважно...

– Говорите! В случае с этими отравлениями важна любая мелочь.

– Ну, хорошо, – не очень решительно заговорил Петр Петрович. – Вечером я заезжал к одной... к одному моему знакомому... по работе. И когда возвращался от него, то по дороге купил любимого нежирного молока.

– Где купили? – быстро спросил я.

– В магазине «Изобилие» на Измайловском бульваре.

– А-а, так, значит, ваша... ваш знакомый по работе живет в Изма-а-айлове.

– Да, – ответил Зеленов, глядя поверх моей головы. – Он живет как раз на Измайловском бульваре.

– И вы купленное в магазине «Изобилие» на Измайловском бульваре полуторапроцентной жирности молоко не преминули употребить, по заведенной вами привычке, вечером девятого августа, перед сном. Я правильно вас понимаю?

– Так, – убито, будто его только что изобличили в измене Родине, произнес Петр Петрович.

– После чего вас жидко-жидко понесло, так? – спросил я, уже предполагая конкретный ответ.

– Еще как понесло... Прорвало просто! Из туалета, простите, полночи не выходил, пока жена «Скорую помощь» не вызвала.

Я хотел было заметить, что это кара за измену супруге «со знакомой, простите, знакомым по работе», но промолчал. Какое мое дело, кто кому изменяет? Я ведь не служу в полиции нравов. И не расследую дела супружеских измен, являясь частным детективом. Я отнюдь не частный детектив. Хотя то, чем занимаюсь, весьма похоже на то, чем как раз и занимаются частные детективы.

И все же – не мое это дело, судить людей...

А вот с этим магазином продовольственных товаров под названием «Изобилие» – вопрос весьма интересный. Кстати, надо вернуться в первую палату... Там старик Храмов девятого августа в обед молоко пил, а на ужин пил ряженку. После чего его и скрутило. Надо поинтересоваться, не в продовольственном ли магазине «Изобилие» он покупал эти молочные злокачественные продукты. И остальных спросить, где они продуктами отовариваются...

Я вполне дружелюбно попрощался с Петром Петровичем, сняв его, Марса Рафкатовича и остальных пациентов палаты на свой смартфон, и вернулся в первую палату. Матери Сергея Самохина, частного предпринимателя с Верхней Первомайской, уже не было. Ушел мужик в рубашке с закатанными рукавами, который приходил неизвестно к кому и все время вставлял в свою речь выражение «язви их в душу». Покинула палату и тридцатипятилетняя супруга Бориса Анатольевича Слепнева. Та, с которой он накануне попадания в больницу отмечал годовщину свадьбы и откушивал мидии. Из посетителей оставались пожилая дама, супруга владельца фармацевтического центра Вадима Афанасьевича Черкасова, и безмолвная девочка-подросток. Они встретили меня почти как родного.

– Здравствуйте еще раз, – улыбнулся я. – Вот, вернулся, чтобы задать вам еще по одному вопросу. Надеюсь, не устали от меня?

– Что-нибудь уже выяснили? – спросила меня пожилая дама.

– Нет, но кое-какие зацепки имеются, – ответил я. И подошел к Храмову: – Лавр Михайлович, давеча вы мне сказали, что в обед пили молоко, а на ужин – ряженку...

– Да, и что такое?

– А где вы покупаете эти продукты?

– Как где? В магазине «Изобилие», – как само собой разумеющееся, ответил старик.

– Это в том, что на Измайловском бульваре?

– Да. Там молоко и сметана дешевле, чем везде. А в чем дело-то?

– Сейчас узнаете, – загадочно посмотрел я на старика Храмова и обратился к Борису Анатольевичу Слепневу: – А вы, Борис Анатольевич, сказали, что после ужина с мидиями выпили на ночь стакан молока... – Я сделал небольшую паузу, после чего спросил: – А где вы его покупаете?

– Я хожу за продуктами в магазины редко, обычно ходит моя жена, – начал неуверенно Слепнев, – но молочные продукты, хлеб, сыр и мясо мы покупаем только в продмаге «Изобилие» на Измайловском бульваре. Там всегда все свежее и стоит дешевле, чем в других магазинах. Я это знаю, потому что так жена моя говорит, – добавил он. – Ей можно доверять.

– Мы тоже отовариваемся в магазине «Изобилие», – сказала за себя и за мужа пожилая дама. – Там действительно многие продукты и свежее, и дешевле...

– И мы с дочкой молоко там покупаем... – подал голос работник рынка Александр Иванович Кондратенко, в ногах которого сидела безмолвная девочка-подросток. – Все остальное я на рынке у себя беру, а вот молоко – в «Изобилии». Оно там лучше, чем у нас...

– А я вот не знаю, где мама покупает продукты, – сказал молодой предприниматель Сергей Самохин.

– А ты позвони, – предложил Борис Анатольевич.

– Да, позвоните, – поддержала любителя мидий пожилая дама.

Парень набрал номер, поговорил с минуту, потом посмотрел на нас:

– Она говорит, либо в «Магните» на Верхней Первомайской, либо в «Изобилии» на Измайловском бульваре...

– Вот оно что-о-о, – понимающе протянул старик Храмов. – Значит, они не напрямую, они через магазин решили меня прикончить. А заодно, чтобы следы замести, еще несколько человек решили отравить. Как будто групповое отравление молочными продуктами. Понимаешь теперь? – Лавр Михайлович пытливо посмотрел на меня. – Они проследили за мной и выяснили, куда я хожу за молоком и ряженкой и когда. И отравили эти продукты, зная, что я их буду покупать. У меня в холодильнике осталась коробка с недопитым молоком. Надо посмотреть, нет ли там дырочек от шприца... А ты молодец! – с уважением посмотрел он на меня. – Несколько часов, а уже почти во всем разобрался. Осталось только найти этих отравителей-убийц и передать их в руки органов...

– Дед, ты преувеличиваешь значение своей персоны, – ухмыльнулся уголком губ частный предприниматель Сергей Самохин. – Ну, сам посуди, кому ты нужен?

– Вот именно! – без промедления огрызнулся Лавр Михайлович. – Я не нужен. Я им о-о-очень мешаю. Из-за своих принципов, которыми не намерен поступаться.

– А ведь дед в чем-то прав, – проговорил Борис Анатольевич Слепнев. – Нас всех могли отравить из-за кого-то одного. Ну, чтобы среди толпы не было ничего заметно. Если это, конечно же, отравление, а не просто следствие завоза некачественных продуктов, которые испортились из-за жары. Подождем, что покажут наши анализы...

– Вы правы, совсем даже не факт, что кого-то хотели отравить конкретно, – посмотрел я на любителя мидий. – Но версия эта очень красивая. Зато почти неоспоримым фактом является то, что продукты, вызвавшие отравление, продавались девятого августа в магазине «Изобилие» на Измайловском бульваре, и их надо обязательно проверить. Что ж, – окинул я взором больных и двух оставшихся посетительниц, – желаю вам всем скорейшего выздоровления...

Выйдя в коридор, набрал один известный мне номер. Трубку долго не брали. Наконец, после целого сонма гудков, раздался недовольный голос:

– Ну, чего тебе?

– Во-первых, привет, – сказал я.

– Ну, привет. Во-вторых, надеюсь, тоже последует?

– Последует, – уверил я Коробова. – И вот что я скажу тебе во-вторых: надо немедленно организовать проверку товаров продовольственного магазина «Изобилие». Того, что на Измайловском бульваре. С временным прекращением торговли, а лучше – с закрытием магазина. Иначе число отравившихся будет расти.

– С какой это стати – закрыть? – Голос Володьки Коробова был не на шутку возмущенным.

– А с такой, что люди, покупая в нем продукты, поступают потом в больницы с острыми отравлениями. Ты про отравления в Измайлове что-нибудь слышал?

– Слышал, – ответил Володька.

– А вы этим делом в своем Главном следственном управлении не занимаетесь?

– Нет, это дело местного отдела.

– Ой ли, – не без сарказма проговорил я. – Двадцать четыре человека получили острые отравления, врачи до сих пор не могут определить, чем таким они отравились, а вам это не интересно? А если это затеянная кем-то акция? С определенной целью? Скажем, дискредитировать московское правительство. Или настоящая международная диверсия с далеко идущими планами?

– Ну, ты загнул!

– Но не мешало бы проверить.

– Ладно, говори, что знаешь, – потребовал Володька.

– Я знаю следующее, – начал я. – Вечером и в ночь с девятого на десятое августа в две клинические больницы Измайлова были доставлены двадцать четыре человека с острыми пищевыми отравлениями...

– В какие именно больницы? – перебил меня Володька.

– Двадцать человек лежат в измайловской клинике, что на Верхней Первомайской улице, четверо – в Городской клинической больнице на Одиннадцатой Парковой. Два человека в тяжелом состоянии находятся в реанимации. – Так вот сейчас я нахожусь в клинической больнице на Верхней Первомайской. Мной опрошено четырнадцать человек пострадавших, а также их родственников. До женской палаты я пока еще не добрался, после звонка тебе пойду и к ним... Из всех опрошенных только один человек не житель Измайлова, остальные живут в этом районе. И практически все больные, перед тем как попасть в больницу, употребляли в пищу молочные продукты. Приобретены они были либо самими пациентами, либо их родственниками, – тут я выдержал небольшую паузу, – в продуктовом магазине «Изобилие» на Измайловском бульваре. Что, мало тебе?

– Да нет, уже кое-что, – не сразу отозвался Коробов.

– Я тоже думаю, что информации хватает, чтобы вам поднять сидалища с насиженных мест и проявить конкретный интерес к этому магазину...

– Но-но, ты там полегче, мы ведь тоже не баклуши бьем!

– Кстати, единственный не житель Измайлова испил молочка, купив его опять-таки в этом самом магазине «Изобилие». Значит, молоко, сметана, ряженка, простокваша, кефир... не знаю, что там еще, серьезно испорчены. Случайно или намеренно, нужно выяснить. И если это так, то двадцать четыре отравления и правда какая-то акция. Не знаю пока, с какой конечной целью. Так что, Володя, связывайся с санэпидемстанцией, пожарными, налоговой, МЧС, не знаю с кем еще, может, с мэром, но магазин этот закрой и устрой там проверку продуктов, молочных в первую очередь.

– Для закрытия магазина и проверки качества товаров нужна санкция, – заметил Коробов.

– Ну так добудь ее! – жестко произнес я. – Хоть из-под земли эту санкцию добудь. А иначе зачем я тебе звоню, как думаешь? Про жизнь, что ли, поговорить?

– Хорошо, я попробую, – пообещал Володька.

– Не надо пробовать! – почти закричал я в телефон. – Надо достать, и все! Может, сейчас новая партия отравленного молока подошла, и что, людям продолжать травиться?

– Я понял, – после небольшой паузы проговорил Володька. – Ты плотно занимаешься этим делом?

– Плотнее некуда, – ответил я. – Того и гляди, сам обдристаюсь!

– Это уже перебор... Хорошо, держи меня в курсе, – буркнул он и отключился.

Надо полагать, старший следователь Коробов нужную *санкцию* раздобудет. Не может не раздобыть...

* * *

В женскую палату я попал в половине седьмого, то есть за полчаса до окончания разрешенного времени посещения больных. В палате лежали четыре женщины. Я назвал себя, место работы и цель их посещения. Никто из женщин ничего не имел против того, что я буду задавать вопросы. Напротив, им было любопытно, что их посетил «самый настоящий» тележурналист, который будет делать передачу, в том числе и о них.

Одна из лежащих в палате женщин была весьма пожилая, семидесяти девяти лет. Звали ее Аделаида Матвеевна Гаранина. Возле нее сидела девушка лет двадцати трех – двадцати пяти, небольшого, как мне показалось, роста и с короткой стрижкой «боб». Внучка Гараниной?

– Это моя племянница внучатая, Лариса, – разрешила мои сомнения Аделаида Матвеевна. – Она за мной и дома ухаживает, и здесь вот, бедняжка. – Старушка по-детски всхлипнула и с благодарностью посмотрела на Ларису.

– А почему вы назвали ее бедняжкой? – тихо спросил я, пока Лариса пошла в туалет мыть фрукты. – Помогать пожилым родственникам – священная обязанность родственников молодых...

– Сиротка она, – печально произнесла Аделаида Матвеевна. – Вот и жалко ее. Мать у нее, племянница моя, умерла не так давно, а отчим другую женщину нашел, домой привел. Не ужилась с ней Лариса, ко мне переехала. А у меня гипертония какая-то особенная, шатает меня, когда давление низкое. Часто падаю. Шаг шагну, а меня назад заносит, будто толкает кто в грудь. Сама я в магазины и раньше не очень-то часто ходила, соседи, дай бог им здоровья, люди добрые попались: то молочка купят, то хлебца, а то чаю или картошечки... Много ли старухе надобно? А как с полгода назад упала на спину да затылок в кровь разбила, больше уж в магазины не выхожу. Лариса теперь ходит, спасибо ей, и дай бог жениха ладного да путного. Приехала как раз вовремя, когда я с разбитой головой лежала. Выходила меня. Ведь я одна как перст, никого больше родных не осталось, кроме нее...

Пришла Лариса, положила на тумбочку груши, персики, яблоки, сливы, апельсины.

– Да что ты так тратишься на меня, Ларисочка! – ахнула Аделаида Матвеевна. – Столько всего накупила. Я этого всего и не съем.

– С остальными поделитесь, тетушка, – сказала Лариса приятным голосом. – А потом, вдруг вам цитрусовые кушать нельзя? Или сливы? Тогда хоть яблочко с грушами поедите. Все чистое, я помыла, берите да кушайте...

– На «вы» со мной, – заговорщицки шепнула мне Аделаида Матвеевна, когда Лариса на что-то отвлеклась. – Говорю ей, ты ж мне племянница, зови меня на «ты». А она: не могу, мол, язык не поворачивается. Лучше, говорит, буду звать вас Аделаида Матвеевна или тетушка. Воспита-а-ние, – уважительно протянула старушка.

– Лариса, а вы для Аделаиды Матвеевны молоко где покупаете? – поинтересовался я, когда молодая девушка снова присела на краешек тетушкиной кровати.

- В нашем продуктовом магазине, он рядом с домом, – ответила Лариса.
- А магазин как называется? – поинтересовался я.
- «Изобилие». – Лариса с удивлением посмотрела на меня: – А что?
- Получается, вы живете на Измайловском бульваре? – снова спросил я.
- Да, – коротко ответила Лариса, продолжая смотреть на меня с некоторым удивлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.